

• Автор: [Леонид Исаев, Андрей Захаров](#)

## [Российская конституция для Сирии](#)



Несмотря на сбой, продолжавшийся почти год, переговорный процесс в Сирии все же удалось реанимировать. Напомним, последняя встреча участников сирийского конфликта состоялась в апреле 2016 года, после чего стороны вновь перешли к силовому разрешению конфликта. Это не только заметно ослабило позиции локальных игроков, но и самым негативным образом сказалось на внешних акторах, прежде всего - на России и Соединенных Штатах, которые, будучи сопредседателями Международной группы по Сирии, взвалили на себя функции гарантов межсирийского урегулирования. Однако если уходящая администрация Барака Обамы подвергалась дежурной критике в основном за свою нерешительность и чрезмерную осторожность, то действия Москвы в Алеппо, напротив, вызвали всеобщее порицание и осуждение из-за их избыточности. Тогдашняя ситуация, бесспорно, позволила российскому руководству одержать локальную победу, взяв под контроль северную столицу Сирии, но в глобальном плане такой исход заметно подорвал доверие к Москве со стороны сирийской оппозиции, поставив под сомнение ее способность выступать в роли медиатора.

На момент начала кампании по освобождению Алеппо отношения между Россией и Западом стагнировали, и прогнозируемая победа Хиллари Клинтон на грядущих выборах не предвещала смены этого тренда. Приход к власти в США Дональда Трампа вновь оживил для Кремля перспективу возвращения к политическому торгу по Сирии. В свете сказанного наметившееся с конца прошлого года

стремление Москвы «перезапустить» женеvский процесс выглядит попыткой начать сирийскую переговорную кампанию с чистого листа – только на этот раз не в качестве стороны конфликта, а посредника.

Для созыва Женеvы было очень важно придать переговорам новое смысловое содержание, из-за нехватки которого стороны на протяжении десяти месяцев отказывались возвращаться за стол переговоров. По-видимому, восполнить этот дефицит была призвана российская конституционная инициатива, с которой Москва [выступила](#) в ходе январской встречи 2017-го в Астане. Делая этот шаг, Россия желала придать женеvским встречам новый импульс, спровоцировав появление альтернативных конституционных проектов, а потому не так уж и важно, какой, в конечном счете, окажется судьба самого московского драфта. Гораздо важнее реакция на российскую конституционную инициативу со стороны сирийской оппозиции. Практически все оппозиционные группы выразили категорическое неприятие шага, предпринятого Москвой. Часть оппозиционеров критиковала конституционный проект по существу, указывая на те или иные положения, которые российский законодатель предусмотрел (или не предусмотрел) в данном документе, но немало оказалось и тех, кто отверг российский проект в принципе, посчитав его просто оскорбительным.

Разумеется, Россия до сих пор остается раздражителем для противников Башара Асада, что априори вызывает недоверие к любым ее инициативам. Но в данной ситуации дело даже не столько в настороженности к России, сколько в подозрительном отношении сирийцев к любым планам конституционного переустройства, исходящим извне. Арабские наблюдатели с удовольствием указывают на беспомощность глобальных акторов в урегулировании местных конфликтов, подчеркивая тщетность их прежних попыток насадить на Ближнем Востоке свои конституционные наработки и схемы. Сирийцы в этой связи все чаще ссылаются на провальный, по их мнению, опыт Ирака, который с 2003 года пребывает в состоянии перманентной нестабильности. Более того, отрицание федеративных рецептов для Сирии парадоксальным образом объединило режим Асада и его противников, которые сообщают, что аналогичный иракский эксперимент де-факто привел к распаду страны. Так, представитель сирийской оппозиции в Астане Яхья аль-Ариди уже в день получения российского варианта будущего Основного закона обвинил Россию в повторении ошибок американцев в Ираке, [заявив при этом](#): «Опыт Пола Бремера вполне ясен – когда конституция написана другой страной, она не работает как политический инструмент».

Оценивая эту сирийскую аллергию, неожиданно сплотившую власти и их антагонистов, следует обратить внимание на два различных аспекта проблемы, в равной степени важных. Во-первых, неготовность сирийцев к федерации не связана с оценками иракского проекта напрямую: у каждой стороны сирийского противостояния есть собственные претензии к федералистскому решению как к таковому, невзирая на его провалы или успехи по соседству. Во-вторых, ранжирование иракского опыта как провального можно считать преувеличением, причем весьма значительным, ибо во многих отношениях этот эксперимент все же удался. Пройдемся по этим пунктам в обратном порядке.

Итак, что можно считать успехом федерализации в сложносоставном социуме, раздираемом гражданской смутой или даже войной? Если в качестве такового рассматривать сохранение государства в границах, признанных международным сообществом, то тогда Ираку очень повезло – как до него удачливой оказалась, скажем, Республика Босния и Герцеговина, принудительно превращенная в федерацию посредством Дейтонских соглашений конца 1990-х годов. Учитывая, что Ирак появился на карте мира после Первой мировой войны как государство искусственное, придуманное англичанами ради вполне прозаического нефтяного интереса, а также то, что населяющие его арабы и курды, мягко говоря, не всегда ладили друг с другом, шансы на выживание этого политического образования после ухода Саддама Хусейна были мизерными. Разумеется, законен вопрос о цене сделки, оформленной иракской Конституцией 2005 года. На первый взгляд, она весьма велика: из восемнадцати иракских провинций только три, населенные курдами, наделены правами субъекта федерации, причем автономия Иракского Курдистана поистине безбрежна – он, в частности, имеет право на собственные вооруженные силы (ополчение «Пешмерга», насчитывающее более 150 тысяч бойцов) и проведение самостоятельной внешней политики. Пятнадцать провинций, в которых проживают арабы, не имеют ничего подобного, что вызывает законную зависть к курдам. Но с другой стороны, столь широкая федерализация позволила курдам, численность которых среди населения Ирака составляет около 20 процентов, снять с повестки дня вопрос о полной независимости, успокоив не только Багдад, который и без того постоянно

лихорадит соперничество суннитов и шиитов, но и соседей Ирака, имеющих курдское население. Полный суверенитет Иракского Курдистана не устроил бы ни Турцию, ни Иран, ни Сирию, ни США: у каждого игрока нашлись бы свои аргументы «против». Зато федерация, предлагающая Эрбилью соседствовать с Багдадом как бы «единосушно, но неслиянно», беспокоит гораздо меньше – и тем самым вносит вклад в поддержание региональной безопасности.

Кроме того, Конституция 2005 года закрепила такое распределение нефтяных доходов, которое вполне устраивает иракское руководство. В рамках федеративного порядка Эрбиль обладает правом самостоятельно заключать нефтяные контракты, а статус *primus inter pares* (лат. – «первый среди равных») позволяет ему привлекать инвесторов посредством налоговых ставок, которые ниже федеральных (к середине 2010-х годов правительство Иракского Курдистана подписало более 40 крупных международных контрактов, в основном связанных с нефтедобычей). Багдад, конечно же, по этому поводу ропщет, но скорее для приличия: столичные чиновники понимают, что они не останутся в накладе, даже если Эрбиль заберет себе все углеводородные контракты – ведь у Иракского Курдистана нет автономного выхода к морю, а все трубопроводы контролируются федерацией.

Таким образом, федеративное переустройство Ирака позволило: а) сохранить территориальное единство страны; б) удовлетворить вечно недовольное меньшинство и сделать опцию независимости менее привлекательной для его элит; в) взаимовыгодно разделить сырьевую ренту. Назвать такую диспозицию «провалом федерализма» едва ли можно. Следовательно, ссылаясь на тяготы иракского федеративного опыта, участники сирийского конфликта лукавят. Похоже, их все-таки смущает не насаждение в арабском мире чуждых идей, а что-то другое.

Это позволяет вернуться к первому пункту наших рассуждений. Проект федерализации кажется сирийцам неприемлемым вовсе не потому, что подобный тип государственного устройства чужероден для арабского мира. Их не устраивает то, что при федеративном порядке необходимо делиться властью. Всегда и повсюду федерализм был для политических элит вынужденным решением, на которое приходилось соглашаться только под давлением крайней необходимости. Но стороны, воюющие в Сирии, пока не потеряли надежду на полный разгром противника. Причем в данном случае неважно, насколько реалистичными их расчеты представляются внешним аналитикам: главное в том, что им самим пока еще кажется, будто бы окончательная победа близка. Кроме того, январский конституционный проект, представленный в Астане, содержит пункты, по которым единодушные Асада и значительной части оппозиции можно считать гарантированным: например, это предложения переименовать воюющее государство из «Сирийской Арабской Республики» в «Сирийскую Республику» и придать курдскому языку официальный статус. Критики считают, что Сирия после этого лишится арабской идентичности, а ее курдское меньшинство недопустимо усилится.

Похоже, изъяны документа признаются и самой Россией. Неслучайно специальный представитель президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки Михаил Богданов [недавно расценил](#) его лишь как приглашение к дискуссии, подчеркнув, что проект – «не истина в последней инстанции, а попытка собрать воедино общие моменты в подходах сторон». Иначе говоря, споры о федеративных рецептах для Сирии будут продолжены – и там действительно есть о чем спорить. Но вот ссылки на мнимый «провал» федерации в соседнем Ираке не имеют к этой теме ровно никакого отношения – это лишь трюк в большой конституционной игре, к участию в которой сирийцев приглашает Россия.

теги

[syria](#)

категории

[Russia / World](#)

968

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - [intersection@intersectionproject.eu](mailto:intersection@intersectionproject.eu)